

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА.

Идѣже Духъ Господень, ту свобода. (2 Кор. 3, 17).

Святѣй ап. Павелъ не разъ въ своей жизни углублялся въ разсмотрѣніе отношеній между человѣческой волею и закономъ, и, замѣчая разногласіе между требованіями закона и дѣйствіями воли, нашель, что правильное отношеніе между закономъ и волею, отъ котораго зависитъ истинная свобода, можетъ быть только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ всемогущая благодать св. Духа, почему и сказалъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода.*

Вопросъ освободѣ, бл. сл., есть одинъ изъ насущныхъ вопросовъ и нашего времени. Прислушаемся ли мы къ нашимъ житейскимъ разговорамъ, присмотримся ли къ современному движенію общественной жизни, вездѣ мы услышимъ то неясныя и нерѣшительныя, то прямыя и положительныя жалобы на различныя стѣсненія и ограниченія свободы, повсюду замѣтимъ усиленное стремленіе къ возможно-полной и совершенной гражданской свободѣ. Такъ какъ христіанинъ строго долженъ повѣрять всѣмъ мнѣніямъ человѣческимъ ученіемъ Божественнаго откровенія, то и по отношенію къ современнымъ сужденіямъ о свободѣ весьма полезно вникнуть въ смыслъ вышеприведенныхъ словъ св. Апостола. По мнѣнію одного изъ нашихъ отечественныхъ святителей сей смыслъ состоитъ въ слѣдующемъ: „истинная свобода возможна только для тѣхъ, кои вѣрно слѣдуютъ ученію Христову, и слѣдуя сему ученію водятся Духомъ Божіимъ, иначе — только въ истинномъ христіанствѣ находится начало истинной свободы“ (Собр. слов. на дн. торж. преосвящ. Иннок. стр. 59).

По ученію здраваго разума, истинная свобода имѣетъ мѣсто только при взаимномъ согласіи между закономъ и волею, когда и требованія закона вполне соотвѣтствуютъ прирожденнымъ стремленіямъ нашей воли къ добру и счастію, и наша воля не принужденно подчиняется симъ требованіямъ. Вотъ почему законо-

дательныя власти, съ одной стороны, стараются предугадывать и предупреждать всѣ существенныя нужды и желанія подчиненныхъ, а съ другой стороны требуютъ со стороны послѣднихъ самаго добросовѣстнаго, а съ этимъ вмѣстѣ и добровольнаго, исполненія своихъ распоряженій. Но отъ сознанія этой прекрасной истины, конечно, еще далеко до ея осуществленія на дѣлѣ: ибо можно ли одними человѣческими средствами довести нашу волю до такого совершенства, чтобы она не дѣлала никакихъ уклоненій отъ закона, не колебалась ни предъ какими требованіями долга, когда намъ извѣстно, что и люди праведные, посвящавшіе всю жизнь свою на исполненіе нравственнаго закона, чувствовали въ себѣ другой законъ, который воюетъ противъ закона ума и дѣлаетъ человѣка плѣнникомъ грѣховнаго закона (Рим. 7, 23). Отсюда то и происходятъ тѣ неизбѣжныя столкновенія между закономъ и волею, при которыхъ многія учрежденія кажутся нѣкоторымъ изъ насъ то превышающими ихъ силы, то противорѣчащими естественному порядку вещей, то нарушающими ихъ права, то стѣсняющими ихъ средства для жизни, почему многіе и ограничиваютъ свое подчиненіе симъ учрежденіямъ нѣрѣдко одною внѣшнею формою, а иногда допускаютъ произволь и нарушеніе закона. Въ этомъ то случаѣ и отърывается вся необходимость вліянія благодати, какъ на наши законы, такъ еще больше на нашу волю. Сія Божественная сила прежде всего возвышаетъ и укрѣпляетъ слабую человѣческую волю до того, что она въ истинномъ христіанинѣ всецѣло проникается самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ; при чемъ исчезаютъ сами собою всякій эгоизмъ и своекорыстіе и всякій произволь и уклоненіе отъ закона, а за тѣмъ освящаетъ и возвышаетъ самые законы до того, что они болѣе и болѣе проникаются благодатнымъ духомъ любви Христовой, при чемъ сами собою устраняются всѣ излишнія стѣсненія и ограниченія.—Когда появилось на землѣ избранное Богомъ общество послѣдователей Христовыхъ, то міръ языческій представлялъ такой ужасный хаосъ всеобщаго нравственнаго растлѣнія, а съ этимъ вмѣстѣ и угнетенія свободы, что послѣдователямъ Христовымъ, казалось, ничего не оставалось бо-

бѣе дѣлать, какъ отречься отъ всякаго участія въ общественной жизни людей и начать обновленіе обществъ полнымъ и всецѣлымъ отрицаніемъ ихъ учрежденій. Однакожь мы этого не видимъ. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда учрежденія языческія явно противорѣчили совѣсти вѣрующихъ во Христа, во всемъ остальномъ они, напротивъ, были такими вѣрными и честными исполнителями общественныхъ законовъ, что сами враги ихъ отдавали имъ полную справедливость. Таково вліяніе Божественной благодати на нашу волю! Не меньше благотворно ея дѣйствіе и на человѣческіе законы: ибо откуда, какъ не изъ сего живоноснаго источника, истекаетъ, хотя постепенное и нерѣдко медленное, тѣмъ не менѣе очевидное, улучшеніе нашихъ законовъ и учрежденій? Откуда и эти дружественныя отношенія между народами, постепенно усиливающееся участіе христіанскихъ правительствъ и обществъ въ нуждахъ и страданіяхъ бѣдныхъ и немощныхъ нашихъ собратій, благотворные подвиги освобожденія рабовъ, отмѣненіе или смягченіе строгостей наказаній для самыхъ преступниковъ и др. многочисленные опыты расширенія правъ и средствъ людскихъ обществъ — откуда все это истекаетъ, какъ не изъ источника христіанской любви, которая есть плодъ всесвятаго Духа? И такое благотворное вліяніе на свободу производитъ христіанство тогда, когда оно исповѣдуются нерѣдко одними устами; какъ же бы возвысилась сія свобода, а съ нею насколько увеличилось бы наше благостояніе, если бы священныя истины Евангелія были неизмѣннымъ нашимъ руководствомъ въ жизни, если бы заповѣди Христовы соблюдались нами во всей ихъ силѣ и точности.

Выведемъ же, бл. сл., изъ предложеннаго размышленія ту спасительную истину, что безъ должнаго разумѣнія и безъ дѣятельнаго соблюденія, при помощи Божіей благодати, ученія Христова не только не существуетъ, но и немислима истинная свобода: и посему, чѣмъ чаще и настойчивѣе будутъ выражаться вокругъ насъ требованія свободы, тѣмъ внимательнѣе будемъ изучать ученіе Христово и тѣмъ старательнѣе исполнять заповѣди Евангелія. Ибо только при этомъ условіи мы можемъ удостоиться бла-

годатнаго пребыванія въ насъ и съ нами Духа Христова, а идѣже сей живоносный Духъ, ту и свобода. Аминь.

Свящ. *Конст. Добросердовъ.*

Б Ъ Л О К Р И Н И Ц А

съ устройствомъ въ ней іерархіи и сопостановленіе послѣдней съ кавонами церкви апостольской.

1-го (12) іюля происходило представленіе Павла и Алимпія императору Фердинанду. Для большей торжественности оба они облеклись въ соборныя мантии. Принявъ рекурсъ и прочіе документы, царь привѣтственно сказалъ: «по надлежащемъ разсмотрѣніи, если будетъ возможно, немедленно удовлетворится ихъ просьба».

Послѣ сего, соблюдая надлежащую постепенность, бѣлокриницкіе депутаты испросили аудіенцію у наслѣдняго принца, эрцгерцога Франца Карла, у дяди императора эрцгерцога Лудвига, у министра внутреннихъ дѣлъ графа Коловрата и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Въ первыхъ числахъ августа состоялось относительно рекурса высочайшее опредѣленіе, сущность котораго самъ Павелъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Государь императоръ самъ собственноручно на рекурсъ намъ положилъ сигнатуру для скорѣйшаго учиненія отъ губерніи справокъ, и чтобы чрезъ крайзамтъ о нашемъ монастырѣ сдѣлать обстоятельное и вѣрнѣйшее изслѣдованіе: дѣйствительно ли общества наши такъ нуждаются священствомъ и просятъ позволенія сего о водвореніи особаго своей религіи святителя, и сколь они значительны, и будетъ ли у нихъ вестись всегдашній порядокъ, а наипаче изслѣдовать съ подробнымъ описаніемъ все состояніе монастыря, можетъ ли монастырь, согласно своего прошенія, соотвѣтствовать въ содержаніи при монастырѣ особаго своей религіи епископа въ непрерывному навсегда существованію епископіи, и на сей предметъ имѣетъ ли монастырь нынѣ въ собственныхъ своихъ рукахъ или наличный капиталъ, или какія съ доходами недвижимыя имущества, и ка-